

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.48

А. В. Алейников, А. Г. Пинкевич

КОНФЛИКТНАЯ СПЕЦИФИКА ГИБРИДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ

Статья посвящена рассмотрению генезиса и протекания конфликтов, а также управления ими в условиях различных политических режимов. Анализируются политические практики работы с конфликтами. Предпринята попытка выявить идентификационные признаки гибридных политических режимов. На основе предложенного Л. Козером методологического инструментария рассмотрены особенности управления конфликтами в гибридных режимах. Для последних характерна второстепенность формальных институтов конфликто разрешения, имеющих неопределенные и пересекающиеся функции. Раскрыты особенности политического и идейно-символического конструирования идеологии стабильности и «бесконфликтного мира», рассматривающей конфликты как источник нарушения созданного властью социального порядка.

Авторы анализируют российскую специфику механизмов поддержания политического порядка и технологий предупреждения и урегулирования конфликтов, уделяя внимание таким способам разрешения конфликтов, как контроль агрессивности и символическое насилие, направленное на подавление конфликтов, выходящих за пределы институциональных рамок. Показана многослойность конфликтов в современном российском обществе, определяемая такой существенной чертой гибридного политического режима, как имитация демократических институтов при авторитарной модели политического управления. В статье доказывается, что в российской политической практике реализуется в основном модель создания искусственной политической конфликтности как социальной нормы. Это приводит к вытеснению на периферию управленческих практик и процедур устранения системных конфликтов и откладыванию принципиальных решений по корректировке конфликтной реальности. Библиогр. 45 назв.

Ключевые слова: Россия, гибридный политический режим, власть, конфликт, политический порядок, стабильность.

Алейников Андрей Викторович — доктор философских наук, доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; av-aleynikov@yandex.ru

Пинкевич Анна Георгиевна — кандидат политических наук, доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; pinkevich.a@yandex.ru

Aleynikov Andrei V. — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; av-aleynikov@yandex.ru

Pinkevich Anna G. — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; pinkevich.a@yandex.ru

CONFLICT UNDER HYBRID POLITICAL REGIMES: THE CASE OF RUSSIA

The article deals with the forms of conflict development and conflict management under different types of political regime. The relationship of political practices working with conflict and specific conflict interactions with the form of the regime are examined in the text. There is an attempt to identify the characteristics of hybrid political regimes and analyze their characteristics in terms of conflict theory. Authors show multilayered conflicts in modern Russian society, caused by the such essential features of hybrid political regime as an imitation of democratic institutions under the authoritarian model of political governance. On the basis of the methodological tools of conflict analysis in free societies and rigid political systems proposed by L. Coser, the features of conflict management in hybrid regime are shown. These regimes are characterized by secondary role of formal institutions of conflict management with overlapping functions. There are shown features of the political, ideological and symbolic construction of the ideology of stability and "conflict-free world". On the base of this ideology conflict is a source of violations of established power of the social order. The authors analyze the Russian mechanisms for maintaining political order and technologies to prevent and resolve conflicts. During the analysis of the Russian hybrid political regime conflict model particular attention is paid to such analytical parameters of national values as a means of conflict solving, including the control of aggression and symbolic violence directed at suppressing the conflict beyond the institutional framework. It is proved that the Russian political practice is implemented in the base model of creating an artificial political contentiousness as a social norm. This will marginalize management practices and procedures to eliminate system conflicts and delays critical decisions on the conflicting reality adjustment. Refs 45.

Keywords: Russia, hybrid political regime, power, conflict, political order, stability.

Многочисленные попытки найти ответ на вопрос о том, «что является и что не является конфликтом» в современной России, приводят, как правило, к приблизительно одинаковым бессодержательным результатам: «в фокусе» оказываются либо сюжеты, связанные с поверхностным и ограниченным изучением, спекулятивным анализом «элитных интриг, клановых раскладов и иностранных интересов» [1, с. 196], либо те или иные ситуационные конфликты, «из которых ничего не следует, разве что участникам больно, да окружающие пугаются... Всё это не может служить объяснением социального конфликта... Мы как будто складываем один и один и удивляемся, что у нас не получается четыре» [2, с. 212].

Проблема, на наш взгляд, заключается в следующем. Хотя в конфликтологической науке достаточно прочно утвердилось аксиоматическое положение Ральфа Дарендорфа: «Источники родственных конфликтов в различных обществах и в разное время отнюдь не одинаковы» [3, с. 143], вопросы детерминированности генезиса, форм вызревания и протекания конфликтов, а также управления ими в условиях различных политических режимов освещены пока недостаточно [4, с. 53].

С одной стороны, политические практики в сфере «работы с конфликтами» могут определенным образом свидетельствовать о сущности режима, вскрывая его (зачастую сознательно) декорируемые черты. С другой стороны, специфика конфликтных взаимодействий в политической сфере, функционирование конфликтов существенным образом определяются политическим режимом. Юрген Хабермас писал, что «понять конфликты можно, лишь принимая во внимание те оперативно значимые правила, в соответствии с которыми несовместимые притязания или намерения производятся внутри определенной системы действий» [5, с. 49].

Постулируется ли конфликт как ценность? Осмысливает ли себя общество, рефлектируя и структурируя конфликтные взаимодействия? Демонстрирует ли со-

циум готовность к компромиссам, взаимным уступкам и переговорам? Или конфликты подавляются, центрируются на власть, которая стремится «снять» или «отменить» конфликт «вручную» различными сдерживающими или репрессивно-силовыми технологиями «раздачи пряников», «заливания пожаров деньгами», замещения противника, используя все возможности «отрицания и сокрытия конфликта ложью, обманом, ложными символами» [6, с. 492]?

Л. Козер выделял свободно структурированные (открытые) общества и жесткие системы. Первым свойственны плюрализм конфликтных ситуаций и терпимость в отношении социальных конфликтов, являющихся способом адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам. Конфликт здесь нацелен на снижение антагонистического напряжения и выполняет функции стабилизации и интеграции общества. Предоставляя обеим сторонам безотлагательную возможность прямого выражения противоречащих друг другу требований, общества с гибкой структурой извлекают из конфликтных ситуаций пользу, элиминируя источник недовольства и восстанавливая социальное единство. В жестких системах подобный корректирующий механизм вряд ли возможен: «Подавляя конфликт, они блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы» [7, с. 543–544].

В данной работе мы используем формулировку Гильермо О’Доннелл и Филиппа Шмиттера, рассматривающих политический режим как всю «совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него» [8, с. 63].

Вопрос в том, как работают институты конфликто разрешения в условиях политических режимов, которые не соответствуют ни критериям демократии, ни признакам стерильного авторитаризма. Отсюда вытекает актуальность изучения гибридных режимов, для описания которых используются термины «нетираническая автократия», «соревновательный (электоральный) авторитаризм» [9–12], «исключающая демократия», «анклавная демократия», «делегативная демократия» [13–15] или другие формы «демократий с прилагательными».

Политолог Фарид Гулиев, анализируя обширную литературу о режимах, объединяющих авторитарные политические институты и методы управления с элементами демократии, пришел к выводу, что исследователи, как правило, описывают гибридный режим как «демократию с недостатками» или как «авторитаризм с достоинствами» [16].

Выделяя идентификационные признаки классических гибридных политических режимов — реальное, но несправедливое сочетание формальных демократических институтов как основного средства достижения власти со значительным преимуществом «занимающих» власть по отношению к своим оппонентам [17, р. 5], — исследователи консенсусно относят к ним и Россию [18].

Анализ литературы убеждает в том, что основным признаком гибридного политического режима является имитация демократических институтов в авторитарной по существу модели политического управления.

Раскрывая сущность «имитационной демократии», российский политолог Дмитрий Фурман подчеркивал, что это система, «при которой власть побеждает всегда, а “правила игры”, напротив, могут меняться по желанию этого постоянного

“победителя”. Демократические и правовые нормы и институты в ней играют роль “декорации”, камуфляжа, за которым скрывается иная, авторитарная организация власти. Но в отличие от других авторитарных систем власть здесь не основывается ни на “физической силе” армии, как в военных диктатурах, ни на древней традиции, как в неконституционных монархиях, и демократический камуфляж в этой системе является необходимым, имманентным ей элементом» [19, с. 11].

Важным является уточнение Екатерины Шульман о двойственном характере имитации: в условиях гибридного режима не только симулируется демократия, которой нет, но и изображается диктатура, которая не существует в реальности [20].

Л. Ф. Шевцова, рассматривая наличие в российском режиме элементов, свойственных различным политическим системам, полагает, что совершенно особым и даже уникальным его делает многослойность конфликтов и противоречий [21, с. 508–509].

В таких режимах, как показал Н. Луман, власть централизует разрешение конфликтов, исключая возможность конфликта с собой. Называя такой эффект контроля конфликтов «домостроем», при котором позволить себе конфликты может только тот, у кого есть собственность и/или власть, немецкий социолог подчеркивает, что эта модель отклоняет чрезмерные запросы и в случае конфликта ставит других в безвыходное положение, управляя коммуникацией вплоть до языка и морали. Иммунная система защищает здесь не обязательно конкретные структуры, но концентрацию потенциала изменений наверху. Используя лумановский подход, можно предположить, что в гибридных политических режимах институты, процедуры и механизмы канализации конфликтов повышают возможность сказать «нет». «Цивилизованное неповиновение» требует ответа на вопрос, как всё-таки можно вновь получить и «да», необходимое обществу [6, с. 514–521].

Для гибридных режимов характерно урегулирование конфликтов частным образом на принципе принадлежности к группе, осуществляющей роль гаранта исполнения договоренностей (либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо с использованием их в качестве формального прикрытия). Властно-распорядительные полномочия при разрешении конфликтов реализуются в зависимости не от официального статуса, а от реальной возможности осуществления контроля над распределением и использованием ресурсов. Позиция бенефициаров этих ресурсов является определяющей («руководством к действию») для всех основных институтов конфликто разрешения, включая судебные инстанции, и редко игнорируется сторонами конфликта.

В гибридных режимах конфликтное взаимодействие регулируется неписаными правилами, не зафиксированными в официальном праве («понятиями»). Граждане и властные органы в условиях конфликта действуют не на базе закона, а на основе личных отношений. При этом государство не выполняет в хозяйственных спорах функции арбитра и гаранта исполнения договоренностей между сторонами. Реальным фактором при урегулировании конфликтов является не закон, а способность одной из сторон конфликта обеспечить свои интересы в конфронтации. Средства «принуждения к миру» базируются на неформальном «праве сильного», замаскированном под внешнюю видимость законности, что может подразумевать и прямое насилие (политико-административное или криминальное).

Характерная для гибридных режимов конфликтная композиция институтов

из разных исторических эпох, разных социальных систем обуславливает противоречия между новыми социальными организациями и формами взаимодействия, институциональными структурами (бизнес, массовые коммуникации, образцы потребления и образы жизни) и неизменными структурами бесконтрольной власти.

Глава «государства — рынка» выступает в роли верховного арбитра в конфликтах между ведомствами и кланами исходя из неписаных норм, а не является гарантом всеобщего интереса, т. е. соблюдения законодательно установленных безличных правил поведения, единых для всех законов; как главный инструмент регулирования конфликтов фиксирует обязанности и ответственность за их нарушение, но не обеспечивает и не гарантирует прав, в том числе права собственности.

Необходимо отметить и ключевую, структурообразующую роль патронажно-клиентарных отношений в разрешении конфликтов: согласование различных частных интересов между собой осуществляется через механизм распространения этнических, региональных, конфессиональных, семейно-родственных и тому подобных связей на политическую сферу.

Персонализированный характер политического управления конфликтами, его слабая рационализация делают изначально второстепенными все институты конфликто разрешения. Последние, имея неопределенные и пересекающиеся функции и юрисдикции, выступают лишь средством и инструментом реализации стратегии «первого лица», замыкающего на себя формальные и неформальные рычаги управления, что порождает пренебрежение к установленным правилам и процедурам.

В гибридных режимах «привластная прослойка» (так называемая элита), занятая личным обогащением, существенно отчуждена от населения, между «элитой» и «простыми гражданами» практически нет вертикальных отношений, «вертикаль власти», по образному определению одного политолога, представляет собой не «вертикаль управления», а «вертикаль бегства» — это веревка альпиниста для небольшого количества друзей и приятелей, которые могут подняться по ней наверх и тем самым ускользнуть от своих менее удачливых сограждан. Публичные конфликты между группами внутри элиты, борьба за влияние и финансовые потоки держатся под контролем с целью избежать их открытого манифестирования в широком политическом пространстве.

В объяснении механизма принятия решений в конфликтах выделяется одна закономерность: власть тратит ренту от использования ресурсов на то, чтобы нейтрализовать политических оппонентов и откупиться от граждан. «Демократия налогоплательщиков» не работает — проще и выгоднее получать доходы от продажи ресурсов, чем собирать налоги. Таким образом, снижается заинтересованность граждан во влиянии на политические конфликты. Вместо известной формулы из инаугурационной речи Джона Кеннеди, произнесенной в 1961 г.: «Не спрашивай, что страна может сделать для тебя, спроси, что ты можешь сделать для страны», в условиях гибридного режима доминирует вопрос: а что государство сделало для нас?

По мнению целого ряда общественных и политических деятелей и социальных теоретиков, «конфликтная модель» социума есть не что иное, как антипод «солидаристской» российской цивилизационной модели, определяющей весь исторический путь России. «В современном мире преобладает иная модель устройства общества — это модель конфликта. В его основу положена система перманентных

противостояний, конкуренции и борьбы, якобы неизбежных и необходимых для прогресса. Нашим идеалом, напротив, является солидарное общество, общество социальной симфонии, где разные слои и группы, разные народы и религиозные общины, разные участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соратниками... Потому нашим проектом будущего должно стать солидарное общество как альтернатива обществу перманентного конфликта» [22].

Между тем «общество социальной симфонии» при попытке его эмпирико-социологической интерпретации вызывает множество вопросов. Данные о конфликтной дистанции разрыва социальной ткани по уровню доходов, типам потребления, качеству, формам, условиям, стилю жизни широко известны. В неангажированной экспертной среде при реконструкции реальных социально-исторических процессов скорее доминирует мнение об универсальной и безусловной конфликтности российского социума, его несимфонийности, антагонистичности, раскольности. При отсутствии медиаторов, демпферов, буферов «конфликты в России — больше чем конфликты. Если восстание — то истребление, если террор — то резня, если оппонент — то враг, если несогласие — то кровавое... В этом — “наше всё”» [23, с. 83–84]. Конечно, такие коннотации в силу их чрезмерного ригоризма затруднительно конвертировать в политическую повестку дня, но их эвристический и диагностический потенциал («мы в себе несем культуру взрыва» — М. Волошин) для аналитических, а не политически вмененных объяснительных моделей налицо.

Нельзя признать удовлетворительной аксиоматику властвующей элиты, рассматривающей конфликты как источник нарушений созданного ею же социального порядка, как девиации, несущие угрозу ее собственному существованию, отождествляемому с социальной стабильностью. Почему?

Игнорируя полезные фундаментальные свойства конфликта, который может служить индикатором внутренней нестабильности социального порядка и механизмом социальных изменений, развития творческих способностей и инноваций, мы тем самым отказываемся от последнего из трёх механизмов поддержания политического порядка (идеологическое убеждение, репрессии и институциональное регулирование). В ресурсном меню технологий предупреждения и урегулирования конфликтов, соответствующих организационных решений остаются только два блюда.

Во-первых, остается слоган «пока мы едины, мы непобедимы». В обществе нет существенных конфликтов, царит гармония ценностей и интересов, достигнут консенсус — эти лозунги используются для обеспечения поддержки «большинством» позиции политического или национального лидера.

Вынесем за скобки невразумительность поисков специфики российского социума в гармонии ценностей, зачастую представляющих собой «воздушные шары, чьи оболочки приберегают, чтобы при необходимости наполнить их воздухом, в особенности по случаю праздника» [24, с. 363]. Отметим лишь, что пока неясно, о каких конкретно ценностях идет речь — ведь не все они одинаково полезны [25, с. 155]. Не отрицая фундаментального значения национальной системы ценностей, мы хотели бы подчеркнуть: являясь некой константой, с точки зрения использования в политических и экономических стратегиях это в то же время — величина переменная. Оправдание текущей политики через «право наследования» ценностей,

как по другому поводу саркастически писал Бруно Латур [26], означает только подмену, умелое сокрытие борьбы «агентов за навязывание легитимного определения» (П. Бурдьё), замещение содержательных причин действия социальных сил первопричинами трансцендентными. Эта подмена может нанести ответный удар.

Как только речь заходит о консенсусе относительно российских ценностей (для «элит», по ехидному замечанию модного у них же В. Пелевина, обеспечиваемся «валовым национальным откатом»), особенно актуальными становятся, например, три «стандартных аналитических параметра» национальных ценностей Алекса Инкелеса и Даниэля Левинсона, которые выделили способы разрешения дилемм и конфликтов, включая контроль агрессивности, выражение/сдерживание чувств [27, с. 14].

Тогда особенно неприятными оказываются данные Института психологии РАН о нравственном состоянии российского общества, фиксирующие нарастание таких негативных параметров, как агрессивность (темп прироста за период 1981–2011 гг. — 3,94), конфликтность (3,2), напряженность — (3,64) [28], или данные опроса «Левада-центра», согласно которому хамство, неуважение, агрессия людей друг к другу являются проблемой, сильно беспокоящей 49% россиян (возможный военный конфликт между Россией и странами Запада, НАТО особенно тревожит 45%, а возможная война между Россией и Украиной — 41% опрошенных) [29].

Или такой неприятный вопрос. По утверждению первого вице-премьера Игоря Шувалова, цена на нефть в \$100 за баррель избаловала и испортила россиян, рассчитывающих на увеличение государственных расходов и не работающих над эффективностью труда, а свобода, как показали времена Горбачева, может принести России несчастье [30]. Можно предположить, что это классический образец «двойного послания», шизофренической коммуникации, при которой конфликты политических концепций и экономических интересов замещаются конфликтами противоположных *интенциональностей* политической рефлексии [31, с. 24–25].

Отметим, что И. Шувалов, по сути, политически верифицировал на российском примере как данные о качествах, противодействующих прогрессу (защищенность рынков, сосредоточенность на микроэкономике, ограниченный доступ к лидерам, приоритет, отдаваемый физическому и финансовому капиталу, иерархическая и жесткая структура, увлечение масштабными проектами, зависимость от иностранных партнеров, реактивный подход, правительство как главный стратег, перераспределение богатства, патернализм) [32, с. 279], так и данные о «непродуктивных экономических предпочтениях» православия, основанные на культурной типологии экономического развития Грондона [33, с. 25–28]. Рассматривая их в комплексе, Мария Снеговая выделяет следующие характеристики: отторжение свободного рынка и конкуренции, скептическое отношение к демократической форме общественного устройства, склонность к иерархической организации общества, ориентация на повышение роли государства в экономике и перераспределение [34]. В таком ценностном пространстве, как писал Макс Вебер, Россия «не может найти такую формулу “реформы”, которая имела бы местные “исторические” корни и была бы при этом жизнеспособной» [35, с. 14].

Во-вторых, есть еще слоган «если враг не сдастся, его уничтожают», подразумевающий силовое (включая символическое насилие) подавление тех конфликтов, которые выходят за пределы определенных идеологемой стабильности

институциональных рамок. Безусловно, насилие в этом контексте не отождествляется с физическим принуждением «на основе средств телесного воздействия» (Н. Луман), хотя его актуализация есть один из индикаторов деструктивности конфликта. Фундаментальное значение имеет структурная и символическая форма насилия, применение которого является «также кульминационным пунктом конфликта, в котором неизбежно должно выясниться, кто из сторон конфликта одержит победу. При этом выбор той или иной альтернативы в рамках бинарного схематизма ориентации проистекает из антиципации исхода конфликта» [36, с. 14].

Согласно О. Н. Яницкому [37], стабильность как господствующая идеологема и как принцип политики отнюдь не безобидна. Эта идеологема, в частности, означает, что общественное развитие планируется и контролируется только государством, гражданское общество же является не двигателем прогресса, а лишь его «приводным ремнем». Всеобщая стабильность — это, по существу, отрицание разнообразия, которое в действительности является ключевым условием поддержания стабильности общества посредством изменений, т. е. его адаптации к новым условиям. «Стабильность» как ценность баланса между определённой и неопределённой при любом потенциально конфликтном социальном взаимодействии в российском обществе означает, что россияне не пассивны, а агрессивно неподвижны: «Пассивных людей может быть трудно увлечь, но их можно относительно легко подтолкнуть. Агрессивно неподвижных людей трудно сдвинуть с места в принципе, именно потому что их неподвижность является рационально обоснованной стратегией» [38, с. 8].

Власть рассматривается большинством населения и как генератор неопределённости, и как единственная сила, способная справиться с управлением конфликтами. Следовательно, если власть является единственным ресурсом конфликто разрешения, то усиление жестких силовых обертонів в управленческих практиках, распространение силовых стратегий с репрессивным окрасом (запрещение, предотвращение, уничтожение) оказываются общественным благом. Парадоксально, но, чтобы оставаться надеждой и опорой, власть, сохраняя свою стабильность, должна создавать и поддерживать контролируемые очаги нестабильности.

«Стабильность» — это и когнитивная простота восприятия сложной конфликтной ситуации, и доведение до совершенства технологий экзистенциального отнесения сторон конфликта к одному из полюсов и их максимального взаимоотноуждения, т. е. искусственное создание политической конфликтности как социальной нормы. Традиционные соблазны российской политики — обмануть историю, избрав стратегию сознательного уклонения от управления конфликтами, либо редуцировать конфликты до соревнования напоров и агрессивностей — позволяют имитировать развитие (модернизацию, реиндустриализацию, деофшоризацию и т. д.), когда на самом деле стоишь на месте, нейтрализуя недовольство разных слоев общества и групп интересов. Ведь, как пел Высоцкий, «не страшны дурные вести — / Мы в ответ бежим на месте. / В выигрыше даже начинающий. / Красота — среди бегущих / Первых нет и отстающих! / Бег на месте общепримирающий».

По иронии судьбы (или из сознательного избегания неудобных концептов) столь модный и широко используемый ныне для полемической и философской концептуализации курса власти Николай Бердяев чаще всего описывал наш

социальный порядок через обсуждаемый здесь феномен конфликта: «Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость» [39, с. 13].

Что означает снятие эмбарго на использование конфликта для формирования и реализации российской политики? Как правило, страшилки конфликтов обнаруживаются в политических дискурсах, конструирующих для граждан такую «реальность» бесконфликтного мира и стабильности, при которой «стабильными» экономическими и политическими институтами «будут те, которые максимизируют кусок пирога, достающийся влиятельным группам, а не общий размер пирога», даже если об этом известно всем [40, с. 189].

Российская специфика заключается, по мнению Александра Ахиезера [41], в том, что власть находится в постоянном страхе перед тем, что конфликты породят неконтролируемую дестабилизацию и поглотят страну. Эта опасность подавляется вторжением в конфликты на нижних уровнях, созданием специальных органов контроля, слежки и подавления. Наступает момент, когда эффект государственного подавления конфликтов порождает еще большую дезорганизацию. Российское общество не в состоянии превратить множество конфликтов в стимул к развитию диалога. Российская власть, опасаясь конфликтов, гасит их, направляя свою силу против самого конфликта, а не на защиту его сторон. У участников же конфликта появляется желание использовать государство против друг друга, тем самым корумпируя конфликт.

Логика функционирования подобной модели приводит не только к вытеснению на периферию управленческих практик и процедур устранения системных конфликтов и конструктивных напряжений, но и к неизменному откладыванию принципиальных решений по корректировке социальной реальности «на потом». Отмеченный оптический обман в восприятии социальных запросов и реализации стратегий управления конфликтами хорошо описывается крылатой фразой из фильма «Белое солнце пустыни»: «Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучиться? — Лучше б, конечно, помучиться». При этом конфликтное взаимодействие в российском пространстве может непредсказуемо обостряться, быстро переходя некий пороговый уровень и в считанные дни и даже часы радикально меняя социально-политический ландшафт. Об этом рассказывал Василий Васильевич Розанов на примере распада имперской России в 1917 г.: «Русь слиняла в два дня. Самое большое — в три. Даже “Новое время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. Самое разительное и показуемое всё дело, всю суть его, самая сутенька заключается в том, что ничего, в сущности, не произошло. Но всё рассыпалось» [42].

При этом «летальный исход» всегда «подкрадывается незаметно», ибо власть пресыщена сигналами о мнимых и фиктивных угрозах и опасностях, а сообщения о динамике реальных конфликтов либо не поступают, либо блокируются. Ульрих Бек называет такое общество «обществом козлов отпущения», в котором создается политический спрос на смещенные мысли и действия: «Не опасности виноваты, а те, кто их вскрывает и сеет в обществе беспокойство». Описывая с помощью понятия «смещенные конфликты» процесс вытеснения конфликтов из сознания и их «загона в огороженную клетку», У. Бек отмечает, что вместо предметного обсуждения проблем изыскиваются «громоотводы» мнимых опасностей в лице «шпионов

ГДР, коммунистов, евреев, арабов, женщин, мужчин, турок, обитателей ночлежек» [43, с. 92].

В российской проекции этот перечень иллюстраций саботажа предметных дискуссий, который Пьер Бурдьё называл «институциональным лицемерием» или «перманентной шизофренией», конечно, выглядит иначе. Художественно-фило-софская транскрипция этого феномена исчерпывается формулой Венедикта Ерофеева: «У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. Ну, еще арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моше Даян. Ну, а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? — что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм» [44, с. 129].

Система конфликто разрешения в условиях гибридных режимов не требует иных, кроме фасадных, институтов, зачастую она управляет конфликтами, просто удаляя их за пределы системы. Декоративные, псевдодемократические структуры и процедуры не обеспечивают декларируемую и желанную политическую стабильность, а усугубляют нестабильность. Фасадность «потемкинских» демократических институций разрешения конфликтов (например, через механизм реальной электоральной конкуренции) опасна тем, что камуфлируются принципиальные различия между участниками конфликта и «вместо раскрытия (положительного) относительной (частичной) истинности своих положений и своей точки зрения стремятся — и на это тратят все свои силы — к абсолютному опровержению и уничтожению своего противника, к тотальному уничтожению другой точки зрения... Чем больше размежевания, тем лучше, но размежевания благожелательного. Без драк на меже» [45, с. 340–341].

Литература

1. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 384 с.
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 289 с.
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // СОЦИС. 1994. № 5. С. 142–147.
4. Глухова А. А. Политические конфликты: основания, типология, динамика. М.: Либриком, 2010. 280 с.
5. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. 264 с.
6. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 642 с.
7. Козер Л. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. 560 с.
8. Голосов Г. Г. Сравнительная политология. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. 368 с.
9. Гельман В. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4. С. 65–88.
10. Шевцова Л. Мы: жизнь в эпоху безвременья. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 315 с.
11. Morse Y. L. The Era of Electoral Authoritarianism // World Politics. 2012. Vol. 64, N 1. P. 161–198.
12. Schedler A. (ed.). Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. 267 p.
13. Гельман В. Я. Трещины в стене // Pro et Contra. 2012. № 1-2. С. 94–115.
14. Доннелл Г. О. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2. С. 34–41.
15. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 7–15.
16. Guliyev F. Measuring Hybrid Regimes: An Alternative Measurement Method and Classification of Post-Soviet Regimes. Working paper, last revised Feb 22, 2012 // SSRN 2349169. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2349169 (дата обращения: 01.03.2015).

17. *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: The Origins and Dynamics of Hybrid Regimes in the Post-Cold War Era. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 493 p.
18. *Ekman J.* Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2009. Vol. 30, N 1. P. 7–31.
19. *Фурман Д. Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь Мир, 2010. 168 с.
20. *Шульман Е.* Царство политической имитации // Ведомости. 2014. 15 авг.
21. *Шевцова Л. Ф.* Режим Бориса Ельцина. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. 535 с.
22. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVII Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783> (дата обращения: 01.03.2015).
23. *Ильин В. В.* Философия истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 380 с.
24. *Луман Н.* Общество общества. М.: Логос, 2011. 640 с.
25. *Каспэ С. И.* Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 191 с.
26. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в социальные науки // Вестник МГУ. Серия: Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
27. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культуры // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
28. Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: ИП РАН, 2013. 413 с.
29. Проблемы, беспокоящие россиян // Левада-центр. 28.01.2015. URL: <http://www.levada.ru/28-01-2015/problemu-bespokoyashchie-rossiyan> (дата обращения: 01.03.2015).
30. Шувалов назвал россиян «испорченными» нефтью по \$100 за баррель // РБК. 23.01.2015. URL: <http://top.rbc.ru/politics/23/01/2015/54c262399a79478439e5745d> (дата обращения: 01.03.2015).
31. *Пятигорский А. М., Алексеев О. М.* Размышления о политике. М.: Новое издательство, 2008. 190 с.
32. *Линдсей С.* Культура, ментальные модели и национальное процветание // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
33. *Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008. 282 с.
34. *Снеговая М. В.* Влияние конфессиональной принадлежности на социально-экономические предпочтения и поведение религиозных респондентов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 27 с.
35. *Вебер М.* О России: Избранное. М.: РОССПЭН, 2007. 159 с.
36. *Луман Н.* Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
37. *Яницкий О. Н.* Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. 360 с.
38. *Грин С.* Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. 2011. Январь — апрель. С. 6–19.
39. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: АСТ, 2010. 336 с.
40. *Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Д.* Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // Экономический вестник. 2006. Вып. 5, № 2. С. 180–247.
41. *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С.* Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М.: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.
42. *Розанов В. В.* Апокалипсис наших дней // Библиотека Вехи. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/arokal.html> (дата обращения: 01.03.2015).
43. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
44. *Ерофеев В.* Москва — Петушки. М.: Вагриус, 2002. 192 с.
45. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2015 г.